

2. Камынин В. Д. Политика России в области обеспечения безопасности в Центральной Азии в 1990-е гг. // Известия Урал. федерального ун-та. Сер. 3 Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 146–159.
3. Князев А. А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сб-к док-тов и мат-лов. Бишкек, 2001.
4. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств. Институты, интеграционные процессы, конфликты. М., 2009.
5. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М., 2011.
6. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.
7. Николаенко В. В соответствии с духом времени. У Договора о коллективной безопасности хорошее будущее // Независимая газета. 2000. 21 июня.
8. Саид Амин. Анализ баткенских событий 1999–2000 гг. // Время Востока. 2013. 14 мая.

Лю Чженьюй, аспирант (КНР);
В. А. Абрамов, профессор ЗабГУ, г. Чита

Формирование модели соразвития Северо-Восточного региона КНР и Забайкальского края РФ

Составным элементом российско-китайских партнерских отношений является сотрудничество между приграничными регионами. Нормализация политических отношений между РФ и КНР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. создала предпосылки для тесного политического, экономического, культурного соразвития на межрегиональном уровне.

Северо-Восточный регион КНР (Дунбэй), занимая приграничное положение, имеет большую протяженность общей границы с РФ. Рассмотрение гармоничного развития Северо-Восточного региона иллюстрирует не только сущность китайских региональных практик, но и позволяет определить управленческую специфику ценностного

потенциала «могущественного культурного государства» в этом регионе, которая имеет большое значение для Забайкальского края и РФ в целом.

Северо-Восточный регион КНР целесообразно рассматривать в двух аспектах: как мезоуровень горизонтальной дифференциации китайского социокультурного пространства и как гармонично расширяющуюся социокультурную подсистему КНР [1, 82].

На мезоуровне регион представляет собой историко-этническую, ландшафтно-географическую, административно-территориальную, экономическую общность, сформировавшуюся естественноисторическим путем в результате проведения КНР законодательной управленческой политики по выделению этого региона в относительно самостоятельный субъект.

Социокультурное пространство Дунбэя, как подсистема КНР, изоморфно китайскому, т. е. сходно по базовым характеристикам: общность территории, населения, экономической и политической системы, китайских культурных традиций и т. д. В то же время Северо-Восточный регион обладает особенностями социокультурного потенциала. Они детерминированы спецификой его территориальной организации (приграничное положение, природно-климатические условия и др.), ресурсного потенциала (преобладание социальных ресурсов над природными и сырьевыми), воспроизводственных мощностей (перенасыщение отраслями тяжелой промышленности), что и сформировало его своеобразную региональную культуру, региональные и культурные бренды.

Модернизационная практика Северо-Восточного региона обусловливается его стремлением к инновационному преобразованию собственного социокультурного пространства посредством изменения или преобразования экономических, политических, социальных, ценностных, управленческих характеристик, что способствует формированию самодостаточного региона, полноправно участвующего в практиках соразвития с РФ [3, 148].

Внедрение инноваций в КНР является общим условием построения «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Новаторский компонент формирования Северо-Восточного региона заключается в развитии институциональных, научно-технических и культурных инноваций. Под институциональными инновациями понимается

новая нормативная система эффективного управления социально-экономическим развитием государства с целью достижения его устойчивого и сбалансированного развития. Это предполагает функционирование Северо-Восточного региона как экспериментальной базы путем создания общих нормативных документов о сотрудничестве в различных сферах для четырех, входящих в него, провинций. Институциональные инновации способствуют консолидации, гармоничному развитию провинций региона страны. Развитие и применение научно-технических инноваций предполагает формирование единого рынка научно-технических кадров, инноваций и инновационных ресурсов четырех провинций, а также создание инновационных площадок. Создание единого инновационного поля способствует повышению международной конкурентоспособности рассматриваемого региона и объединяет, взаимодополняет потенциалы инновационного развития четырех его провинций.

Инновационная культура складывается через соединение управленческих ценностей китайских культурных традиций и современной, в том числе и региональной культуры. Инновационная культура, выступая как управленческий компонент региональной «мягкой силы», способствует социально-экономическому развитию региона, популяризации, распространению ценностей китайской культуры в социокультурном пространстве других государств.

Представление Северо-Восточного региона как гармонично расширяющейся социокультурной подсистемы КНР соотносится с пониманием инновационного влияния управленческих ценностей региональной культуры на его пространственную организацию. Стремление к гармоничному развитию, решению важнейших внутренних проблем, связанных с ресурсной истощаемостью, перенаселенностью, перенасыщенностью тяжелыми производствами предопределяют следующую ситуацию. Административные границы региона во все меньшей степени сдерживают интенсивность экономической, политической и главное межкультурной коммуникации как внутри страны, так и за её пределами.

Контактная функция ценностей «мягкой силы» Северо-Восточного региона позволяет рассматривать его как динамичную и диффузионную систему в пространственном аспекте международного сотрудничества. Ценности социокультурного пространства Дунбэя

становятся неограниченными в свободе передвижений, что способствует приобретению дополнительных преимуществ для развития региона. Приграничное положение определяет Северо-Восток как транзитный регион в расширении ценностей китайского социокультурного пространства, а объектом ценностно-управленческой деятельности региона становится социокультурное пространство соседних государств, трансформирующееся в «надгосударственный регион».

Подобный трансграничный регионализм, будучи потенциально новой межгосударственной формой общения, организации жизнедеятельности предстает как пространственно интегрированная форма социокультурного сотрудничества для решения актуальных проблем прежде всего приграничных внутренних регионов соседних государств. Пересекая границы национальных административных практик, ценностное социокультурное восприятие друг друга формирует осознание глобальной связанности, взаимозависимости, общих интересов и возможности соразвития в пределах формирующегося «надгосударственного региона».

Формирующийся «надгосударственный регион», связывая и гармонизируя процессы соразвития приграничных общностей, обладает качеством, отсутствующим у западной модели региона — ценностной гибкостью в трансформации социокультурного пространства. Это превращает трансграничный регион в инновационный инструментарий глобальной социокультурной политики «гармонизации» мира. Другим его качеством является способность редуцировать объективное стремление китайского государства к культурной изоляции, но в то же время усиливать культурную стратегию разносторонней глобальной гармонизации, что позволяет «надгосударственному региону» устанавливать связи социокультурного взаимодействия и выравнивать качественные характеристики жизни своего населения.

«Надгосударственный регион» не может иметь каких-либо законов, которые являются управленческой прерогативой государства. В то же время подобный регион характеризуется целенаправленным территориальными, производственными, ресурсными, ценностными изменениями в приграничных внутренних регионах соседних стран, свеянными с ценностно-управленческой политикой гармонизации КПК, китайского государства.

«Надгосударственный регион» имеет гибкие, изменяющиеся ценностные очертания — культурные квазиграницы. В этом случае формирующийся «надгосударственный регион» объективно и корректно представляется лишь как гармонизирующееся международное социокультурное пространство. Состояние и качество социальной взаимозависимости в нем фиксирует определенный набор участников, связанных с гармоничным распределением ресурсов социокультурного и природного потенциала. Эта особенность лишает подобный регион качественной стандартизации его функций. Однако его главной отличительной чертой является создание системы международного признания и выполнения участвующими сторонами общих управленческих целей и ценностных принципов функционирования.

Выявление и анализ причинно-следственных связей и закономерностей в развитии гармоничных социокультурных отношений между двумя странами, а также основных ценностно-управленческих факторов, влияющих на характер их взаимодействия, помогут в создании целостной картины стратегического партнерства двух стран, разработке взвешенной российской политики в реализации отношений с Китаем. Это актуально и для организации региональных практик соразвития России и КНР в пространстве приграничья [2].

Список источников и литературы

1. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М. : Восточная книга, 2010.
2. Абрамова Н. А. Региональные практики соразвития РФ и КНР в пространстве приграничья. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/108-8883> (дата обращения 17.04.2013).
3. Кучинская Т. Н. Социокультурное пространство трансграничья как ресурс соразвития России и Китая (региональные практики Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР). М. : Восточная книга, 2012.